

Научная статья

УДК 801.73

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-9-22

**О разговорных явлениях
в языке памятника церковнославянской письменности XV века
(на материале Мучения Параскевы Пятницы)**

Леонид Григорьевич Панин

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

leonid.panin.00@mail.ru

Аннотация

Проведенный автором ранее лингвотекстологический анализ сборников, содержащих чтения на особо чтимые памятные даты и жития наиболее почитаемых святых, выявил рукопись *Торжественник и Златоуст* из собрания Тихонравова № 185 (Русская Государственная Библиотека) как содержащую уникальную информацию о церковнославянском языке XV в. В статье представлен анализ языка этого произведения в сопоставлении с языком двух других списков. Автор определил широкий и узкий контексты исследования. Первый связан с церковнославянской проблематикой (языком, письменностью), второй – с XV веком, временем, когда так называемое «второе южнославянское влияние» проявлялось в полной мере. Исследование показывает, что церковнославянский язык в конечном счете является искомым объектом славистических исследований и путь к определению его структуры и функционального статуса лежит через анализ конкретных письменных источников, которые могут не свидетельствовать о структурном и стилистическом единстве того, что мы привычно называем церковнославянским языком. В частности выводы о «разговорном» («простом», может быть, простонародном) церковнославянском языке *Мучения Параскевы Пятницы* по списку Тхн-185 достаточно очевидны, язык памятника по данному списку разрушает и миф о так называемом «втором южнославянском влиянии».

Ключевые слова

церковнославянский язык, история русского языка, лингвистическая текстология, языковые различия, «Мучение Параскевы Пятницы»

Для цитирования

Панин Л. Г. О разговорных явлениях в языке памятника церковнославянской письменности XV века (на материале Мучения Параскевы Пятницы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 9–22. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-9-22

**On Colloquial Phenomena in the Language
of the Monument of Church Slavonic Writing of the 15th Century
(Based on the Material of the Torment of Paraskeva Friday)**

Leonid G. Panin

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

leonid.panin.00@mail.ru

Abstract

The author's earlier linguistic and textual analysis of collections containing readings on particularly revered memorable dates and the lives of the most revered saints revealed the manuscript *Festal Menaion and Chrysostom* from the collection of Tikhonravov No. 185 (from the collection of the Russian State Library) as containing unique information about the Church Slavonic language of the 15th century. This time, as traditionally considered, is a clear indicator

of the second South Slavic influence, but evidence of this influence (according to the collection) was not in the Word on the Council of the archangel Michael and Gabriel, the author of which was Clement of Ohrid. There were obvious colloquial elements, but the colloquial (common) facts of the Russian language are especially clearly recorded in another monument of this collection – in the Torment of Paraskeva Friday. In this article, this text is analyzed in comparison with the texts presented in the Great Menaion Reader of the SVT. St. Demetrius of Rostov and in the collection of the 15th century from the Collection of the Trinity Lavra of St. Sergius.

The author defines the broad and narrow contexts of the study. The first is connected with the Church Slavonic problems (language, writing), the second with the 15th century, the time when the so-called ‘second South Slavic influence’ was fully manifested. *Church Slavonic* itself is not a scientific term, although it emerged from a scientific tradition. We can define what the Russian language is by referring to ethnic and geographical boundaries, cultural and spiritual traditions, historical certainty, and keeping in mind, which is very important for the language, its ‘functional side’. It is impossible to evaluate the Church Slavonic language from these positions. Russian is a language that has developed different principles of development, and in relation to the Russian language, the Church Slavonic language appears to be as much an independent unit (a separate scientific ‘subject’) as the dialect language, which was the subject of lively discussions in its time, or the Russian spoken language, which occupies a strong position in the niche of the Russian language to this day.

The Church Slavonic language is ultimately the desired object of Slavistic research, and the way to determine its structure and functional status lies through the analysis of specific written sources. The conclusions about the ‘colloquial’ (‘simple’, perhaps common) Church Slavonic language of the Torment of Paraskeva Friday according to the list of Thn-185 are quite obvious, the language of the monument according to this list destroys the myth of the so-called ‘second South Slavic influence’.

The analysis allows us to take a new look at what we call the Church Slavonic language, to understand that the Church Slavonic language is still an unidentified linguistic object, rather than a philological one, because this language cannot be separated from the text. The text is the environment in which it exists. Linguistics has adopted the tools of linguistic analysis, which since ancient times served philological purposes, it is already presented in the *Τῆς ἑλληνικῆς γραμματικῆς* of Dionysius of Thrace, but it did not serve to describe and understand language as such, the main task of grammatics was considered to be the evaluation of the work, “what is the best of all that grammar does”. This helps in the qualification of what is written in the Church Slavonic language: it should not only contain the traditional forms and vocabulary of this language (also with the traditional permissibility of innovations), but also have a functional correlation, correspond to the sphere of existence of Church Slavonic texts.

Keywords

Church Slavonic language, history of the Russian language, linguistic textology, language differences, The Torment of Paraskeva Friday

For citation

Panin L. G. On Colloquial Phenomena in the Language of the Monument of Church Slavonic Writing of the 15th Century (Based on the Material of the Torment of Paraskeva Friday). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 9–22. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-9-22

*Памяти сводной сестры
Прасковьи Яковлевны Ершовой*

Не вполне серьёзное вступление

В 1992 г. мне посчастливилось выступить с докладом о языке русской письменности Сибири XVII – начала XVIII в. на Семинаре у проф. В. Лефельда в Гёттенгенском университете, доклад был посвящён достаточно необычной ситуации для книжного русского языка того времени: язык Сибирских летописей XVII в. немотивированно (в контексте языка русского летописания своего времени) архаизирован, «церковнославянизирован», в то время как язык церковных текстов того же времени Сибири (Сказания о явлении Абаалацкой иконы Божьей Матери и Жития Василия Мангазейского, особенно во второй редакции этого памятника) испытал сильнейшее влияние со стороны языка деловой письменности (см. [Панин, 1994]). И имея в виду центробежные и центростремительные процессы в развитии русского языка, я бросил фразу, что лексика разрушает язык, а грамматика создаёт его. Мудрые немецкие коллеги отнеслись к этому как к каламбуру молодого и легкомысленного филолога. А в следующем году я делал доклад на тему церковнославянского языка уже в Ольденбургском университете, и руководитель Семинара проф. Г. Гентшель, стараниями которого я и был

приглашён в своё время в Гёттенген, мой доклад предварил достаточно провокационным вопросом. Он продиктовал фразу, в которой были традиционная для церковнославянского языка грамматика и слова, которые никогда не были отмечены ни в одном церковнославянском памятнике. К сожалению, я не запомнил той фразы, но предлагаю её аналог (он гораздо ниже оригинала и включает бытовые реалии, не допустимые с точки зрения выдержанного в своей корректности немецкого профессора): «*Будучи зъло піану шоферу мерседесъ бенць прободє ограженіє, поврежде е и връза сѧ в дрѣво, излѣзшии жителіє дому ругаху сѧ, бранѧху сѧ, лаху шофера и вызваши полицію*». Тогда я ответил, что это, бесспорно, церковнославянский язык, несмотря на то что там есть русизмы и новые заимствования; главное – грамматика церковнославянская. Сейчас я бы не был столь категоричен в своём ответе. Но для более адекватного понимания лингвистической квалификации текста потребовались годы работы с церковнославянскими памятниками, и я искренне рад тому, что в поле моего внимания оказался сборник *Торжественник и Златоуст* из собрания Тихонравова № 185 Российской Государственной Библиотеки. Это рукопись без начала и конца. Как отмечается в прилагающемся к сборнику описании, рукопись составная: XV в. (л. 9, 11 – 320 об., б. зн.: Briquet № 3883: 1478–74 гг.; № 14541: 1449, 1452 гг.; № 14562: 1476–1477 гг.; № 14872: 1457, 1470 гг.; № 14873: 1483 г.); XVI в. (л. 4–8, 10; б. зн.: Briquet № 13578: 1526 г.; № 13577: 1542–47 гг.).

Исследуемый в данной статье текст расположен на л. 46г–52г (XV в.). Анализ этого текста и некоторых других позволяет, как мне кажется, по-новому взглянуть на то, что мы называем церковнославянским языком.

Выбор предмета и объекта исследования

Предшествующее исследование 45 списков Минейного Торжественника строилось как лингвотекстологический анализ наиболее употребительных памятников на двенадцатые праздники и на особо чтимые памятные даты и житий наиболее почитаемых мучеников (см. [Панин, 1988]). В ходе исследования был проведён и анализ *Слова на Собор архангелов Михаила и Гавриила* древнеболгарского писателя Климента Охридского, выявивший интересные сведения о так называемом «втором южнославянском влиянии». Тогда и выделилась рукопись *Торжественник и Златоуст* из собрания Тихонравова № 185 (Тхн-185) с нетипичными для этого «влияния» языковыми проявлениями, которые в то время показались просто экзотическим фактом. Позже я просмотрел ещё некоторые тексты этого сборника и обнаружил, что писец, переписывавший *Слово на собор архистратигов Михаила и Гавриила*, своё видение церковнославянского языка (точнее, языковое видение церковнославянского текста) проявил ещё в ряде переписываемых памятников. Во-первых, это *Мучение Параскевы Пятницы*; во-вторых, *Житие и чудеса свв. Козмы и Дамиана*. Первый памятник – наиболее яркий, в языковом отношении представляет все уровни языка, и именно он «задаёт направления» лингвистического анализа филологической среды функционирования церковнославянского текста. Этой масштабности нет в *Житии и чудесах свв. Козмы и Дамиана*, текст этот более камерный, но в изложении чудес данного Жития представлена редакторская правка, в которой лингвистические новации сборника Тхн-185 «встраиваются» в привычное поле церковнославянского языка (ср. на л. 56в *говориль* зачеркнуто и сверху другой рукой написано: *гл(агол)аль*), но это тема уже другого, специального, исследования.

Текст *Мучения Параскевы Пятницы* по списку Тхн-185 [*М(еся)ца вкт(ября) въ .ки. д(е)нь муч(е)ніє с(вя)тыя и славныя м(уче)н(и)ца Парасковгїи и тулкует ся Пят(н)ици въ Иконїи гра(ди)*, л. 46г–52г] в статье анализируется в текстологическом сопоставлении с текстом, представленном в сборнике «*Великие Четы Миней*» свт. Димитрия Ростовского (1651–1709) и в сборнике XV в. из Собрания Троице-Сергеевой Лавры, переписанном полууставом разных почерков [407 листов: РГБ, ф. 304, № 755, л. 284–291: *М(еся)ца w(ктя)бря .ки. д(е)нь мученіє с(вя)тыя и славныя м(уче)н(и)ца Парасковгїи. и(же) прото(лк)у(е)ть (ся) Пятница. въ Иконїстѣ(м) градѣ*]. Это не собственно лингвотекстологический анализ в его исходном,

необходимом проявлении (см. [Жуковская, 1968; 1976; Панин, 1990]), скорее лингвотекстологический фон, необходимый для того, чтобы выявить уровень лингвистической разницы изучаемого текста и нашего традиционного представления о том, каким должен быть церковнославянский язык соответствующего времени.

Широкий и узкий контексты исследования

Первый связан с церковнославянской проблематикой (языком, письменностью), второй – с XV в., временем, когда так называемое «второе южнославянское влияние» проявлялось в полной мере.

Прежде всего – о словосочетании *церковнославянский язык*: оно не является научным термином, хотя и пришло из научной традиции. Определить, что такое *русский язык*, мы можем, ссылаясь на этнические и географические границы, культурные и духовные традиции, историческую определённую и (имея в виду, что это очень важно для языка) его «функциональную сторону» (в понимании В. А. Аврорина [1975]). Оценить же церковнославянский язык с этих позиций нельзя. Это другой язык, точнее, язык, выработавший для себя иные принципы развития (они же и принципы стабильности [так называемого *устойчивого развития*]), о чём мне приходилось неоднократно писать (ср. [Панин, 1992; 1995]). При этом по отношению к *русскому языку* церковнославянский язык предстаёт в той же степени самостоятельной единицей (обособленным научным «субъектом»), в какой находятся *диалектный язык*, бывший предметом оживлённых дискуссий в своё время, или *русский разговорный язык*, занимающий прочные позиции в нише русского языка по сей день.

Л. П. Жуковская на VIII Международном съезде славистов в Киеве имела все основания заявить, что церковнославянский язык в конечном счёте является искомым объектом славистических исследований и путь к определению его структуры и функционального статуса лежит через анализ конкретных письменных источников [Жуковская, 1978]. Сорок с лишним лет развития русистики, прошедшие после её доклада, не изменили ситуацию.

С именем Л. П. Жуковской связано и уточнение утвердившегося в русистике мнения А. И. Соболевского [1980] о «втором южнославянском влиянии» (полагаю, и о «первом влиянии» говорить можно очень и очень условно, в данном случае ссылаюсь на Б. Н. Флоря [1981]). Л. П. Жуковская писала: «Под влиянием можно понимать только такое состояние, когда при переписывании древнего русского оригинала русский писец начинает применять приёмы и законы южнославянской письменности» [1982, с. 28]. Но миф о «втором южнославянском влиянии» держится прочно: это удобно и не требует собственного анализа, достаточно придерживаться распространённой точки зрения (ср. [Пентковская, 2018]). Между тем это «зады» палеославистики (образное употребление, но не моё, это слова Л. П. Жуковской, в которые она, впрочем, не вкладывала ничего обидного – понятие заимствовано из практики приходских школ, где вплоть до начала XX в. учитель следил, чтобы подопечные чада при изучении языка и словесного произведения не преступали границ того, что дано раз и навсегда, что уже определено и установлено, и ни в коем случае не проявляли бы своей мысли).

Цитирование источников

Примеры из Сборника Тихонравова (Тхн-185), Великих Четий Минеи свт. Димитрия Ростовского (ВЧМ) и из рукописного Сборника XV в. из Соборания Троице-Сергеевой Лавры (ТСЛ-755) цитируются в упрощённой орфографии: слова под титлом раскрываются, предполагаемые буквы указываются в круглых скобках; после сокращённого обозначения источника даётся ссылка к листу рукописи (Тхн-185, ТСЛ-755) или странице издания (ВЧМ). Цитируя ВЧМ, я «разомкнул» возвратные формы глаголов, отделив *ся* от основной глагольной формы, поскольку в церковнославянских текстах XV–XVI вв., да и последующих, это *ся* не воспринималось как словесное единство с основной глагольной формой, поэтому неудачными в издании свт. Димитрия Ростовского выглядят формы «*бояшебояся*» ВЧМ 1978 в.м. *бояше*

бо ся; «молотися» ВЧМ 1978 в.м. *молю ти ся*; «Скончажеся» ВЧМ 1979 в.м. *Сконча же ся* и под.

Структура исследования.

В статье анализируются языковые проявления рукописи Тхн-185, важные для определения её в историко-лингвистическом отношении. Прежде всего, речь идёт о «предварительном джентльменском наборе» начинающего филолога (о тех фактах, которые в первую очередь важны для «лингвистического паспорта» рукописи). На первом месте, безусловно, стоит вопрос, что за извод мы имеем, но в данном случае вопрос этот не актуален – восточнославянские языковые особенности в списке очевидны и отмечают иное (например, южнославянское) языковое восприятие рукописи.

Для определения функциональной соотнесённости языка памятника данного списка с тем, что мы обычно называем русским литературным языком (имея в виду и его книжную разновидность – церковнославянское проявление), существует достаточно простой набор языковых фактов, выявляемых в результате сравнения с другими списками. Первое, это соотношение русизмов и славянизмов. Далее, выявление разговорных особенностей в языке памятника, а если повезёт исследователю, то и диалектных, поскольку эти последние дают возможность высказать предположение о месте создания рукописи или, по крайней мере, о писце как носителе определённого диалекта. И именно с них мне хотелось бы начать анализ языка *Мучения Параскевы Пятницы*.

Вероятные лексические диалектизмы в языке памятника по списку Тхн-185

Полагаю, что самое спорное в исследовании истории русского языка – это квалификация слов в качестве диалектных, но областные словари XIX и XX вв. дают направление такой квалификации, и, как показали исследования проф. В. В. Палагиной и её учеников¹, могут служить основанием для серьёзных научных построений. Ниже представлены некоторые примеры из Тхн-185, на мой взгляд, достаточные для суждения о месте создания сборника (по крайней мере, диалекте писца, переписавшего данный памятник).

Прежде всего, это регулярное употребление глагола *отказати*, которому в двух других списках соответствуют слова *глаголати* и (наиболее часто встречающееся соответствие) *отвьщати*: 1) *с(вя)таа жь ѿказала. рекла ти есмь имя мое вѣчнога живота* Тхн-185 48в – *святая же глагола: рекохъ ти имя вѣчнога живота ми* ВЧМ 1974; *с(вя)таа гл(агол)а, реко(х) ти имя вѣчнога живота* ТСЛ-755 286; 2) *слышавше жь горожане ѿказали вси одины(м) голосо(м) говорече* Тхн-185 47г – *и слышавши, иже во гради, отвьщаша гласомъ едингъмъ вси, глаголюще* ВЧМ 1973; *слышавше (ж) гражане, и ѿвьщавше вси едингъм(м) гласо(м), гл(аголю)ще* ТСЛ-755 285 и др.

Глагол *отъказати* достаточно редкий для церковнославянских текстов; видимо, можно определить его диалектную прикреплённость. Сразу следует отметить его употребительность в тексте Мучения по данному списку (7 словоупотреблений). Безусловный интерес представляют глагольные пары – соответствия глагола *отъказати*, которые позволяют уточнить семантику слова. В словаре В. И. Даля данный глагол отмечен как характерный для южных и западных говоров: *отказывать* (что кому) ‘отвечать, отповедать, сказать в ответ’ (Даль, 1978, т. 2, с. 727). И. И. Срезневский, отметил употребление этого слова в северо-западных текстах (Срезневский, 1958, т. 2, стб. 789), но семантика глагола, проявившаяся в интересующем нас тексте хорошо сохранялась и в XIX в.: *отказывать* (кому в чем) ‘отвергать просьбу, не склоняться на чье-либо желание’ и др. (СЦСиРЯ, 2001, т. 3, с. 107). На весьма широкий ареал бытования слова в XIX–XX вв. указывает современный диалектный словарь, но и он локализует его преимущественно западнорусскими говорами, ср.: *отказать* – *смол.*

¹ См. публикацию её докторской диссертации, защищённой в 1973 г.: [Палагина, 2007], а также: [Захарова, 1979].

‘давать ответ, отвечать’, *смол.* ‘умирать, уходить от кого-либо, покидать кого-либо’; глагол *откázывать* – многозначный и среди его значений находим *смол., южн., зап., курск., орл., ряз., латв.* ‘отвечать’, *печер.* ‘прервать, перебить кого-либо’, (как непереходный глагол) *перм., смол., орл., курск., ряз.* ‘возражать кому-либо’ (СРНГ, вып. 24, с. 192–193).

Сразу два потенциально диалектных слова находим ещё в одном контексте: *лаяти* ‘ругать’ и *слухати* ‘слушать, слышать’. Современное стилистическое поле этих глаголов – просторечие, может быть, и в XV в. они не имели узкой локализации, но словари определённо свидетельствуют об их территориальном ограничении. *Лаати (лаяти)* ‘ругать, бранить’ интересно своим управлением: не *кого*, а *кому*; у Даля (1978, т. 4, с. 241) глагол *лаять* (кого) сопровождается пометами *запад., юж. и сиб.* Слово издавна входило в корпус экспрессивной лексики, ср.: *лаяти* – ‘лаять, ѓлактеѣѣ, latrage’, ‘кричать, бранить, браниться’ (уже в Изборнике 1073 г.) и др. (Срезневский, 1958, т. 2, стб. 13). Глагол *слухати* в словаре В. И. Даля отмечен как характерный для южных, западных и северных говоров (Даль, 1978, т. 2, с. 225), что скорее всего указывает на широкое (просторечное) распространение слова. В словаре И. И. Срезневского единственный пример *слухати* ‘повиноваться, быть подвластным’ документирован Договорной грамотой 1349 г. (Срезневский, 1958, т. 3, стб. 435), ср. в нашем тексте: *мнози же не слухали и ненавидели ее за то инѣи били ю. а инѣи лаали ей. а она т<---> не переставала говорячи слово Б(о)жие Тхн-185 476–47в – и мнози же, недугующе [описка: негодующе] раны ей приношаху; но она не престааше глаголюще слово Божие ВЧМ 1973; и до-дослужители слышавшее сиа мнози негодовашаб и раны приношаху ей. она (ж) не престааше гл(агол)ющи всѣ(м) слово Б(о)жие ТСЛ-755 285.*

Широкий северный и западнорусский ареал имело, видимо, и слово *мовити* ‘говорить’, которое в «Словаре русских народных говоров» сопровождается пометами *олон., арх., сев.-двин., волог., зап.-брян.* (СРНГ, вып. 18, с. 189), ср.: *ижь мовиши не могу его слышати Тхн-185 48в – еже изрече ми, понеже сего не могу слышати ВЧМ 1974; распятого исповѣдающе. зане азъ не могу его слышати ТСЛ-755 286.*

Отдельный интерес представляют слова, которые, скорее всего, не входили в корпус диалектной лексики, но со временем закрепились именно в диалектах. Таким было слово *спотворити* в значении ‘околдовать’: *таа бо спотворила весь горо(д) на(ш), многыа отставили от жертвы и от богъ наших(х) Тхн-185 47г–48а – и та уволсви градъ наш весь и многы обрати отъ жертвъ богъ нашихъ ВЧМ 1974; и гра(д) нашъ весь потворила е(сть) волшебными своими чарованіи. и мнѣгы(х) прелсти от нашеа вѣры, и от жертвы боговъ ТСЛ-755 285 об.* Лексема *спотворити* в таком (приставочном) оформлении встречается редко, но ср.: у Даля: *потворка* с пометой *стар.* ‘волшебство, чародейство, колдовство’ (Даль, 1978, т. 3, с. 354), и древнерусские лексикографические материалы дают примеры употребления данного глагола (без приставки *съ-*) и отглагольных образований в данном значении: *потвора* ‘волхование, колдовство’, *потворити* ‘околдовать’, ‘уничтожить’ (два из значений) (Срезневский, 1958, т. 2, стб. 1288). Особый интерес представляют материалы областного словаря современных говоров, где находим два употребления интересующего нас глагола: в свердловских говорах он зафиксирован в значении ‘родить (ребенка)’, а в смоленских с неустановленным значением в поговорке *Спотворил нос, что не полна горсть* (СРНГ, вып. 40, с. 244). Я бы обратил особое внимание на фиксацию лексем в говорах Смоленщины.

Ещё два слова, относительно которых можно сделать предположение об их областном происхождении, – *сукня* и *кат*. Первому в двух других списках соответствует типичный церковнославянизм *ризы*, а второму – книжное *постъкатель* и латинизм *спекуляторъ*, вполне ожидаемый для церковнославянского перевода жития Святой Параскевы Иконийской: 1) *и повелель раз(д)рати сукню ея, и жилами говядиными бити ю нещадно Тхн-185 496–49в – повель растерзати ризы ея и волуями жилами сырами бити ю непрестанно ВЧМ 1975; и повель растерзати ризы ея, и жилами говяжими бити ю неща(д)но ТСЛ-755 287; 2) тогда жь поклонила голову. и усекнуль ю катъ Тхн-185 52в – тогда преклони главу, и постъче*

ю *посъкатель* ВЧМ 1979; и *ра(д)уя ся преклони тог(д)а главу свою. спекуляторъ (ж) усъкну* и ТСЛ-755 290.

Слово *сукня* ‘женская одежда, платье из домотканого сукна’ приводится со ссылкой на словарь В. И. Даля как характерное для южных и западных говоров русского языка, а также с уточнением этого значения для курских, воронежских, калужских говоров и говоров Мордовии (СРНГ, вып. 42, с. 203–204). Лексема была, очевидно, исконно областной. А вот слово *катъ*, появившись в русских западных говорах, со временем стало известным литературному языку.

М. Фасмер пишет, что слово *кат* ‘палач’ впервые появилось в эпоху Петра I и является заимствованием из немецкого языка через польское посредство (Фасмер, 1967, с. 208). Но в русских источниках оно было известно и ранее: Словарь русского языка XI–XVII вв. лексему *катъ* ‘палач, кат’ подтверждает источниками XVI–XVII вв. (цитаты из Истории о вел. кн. Московском Курбского и западнорусского Словаря из собрания Барсова [ГИМ]) (СРЯз, 1980, с. 88), а наш пример ещё более ранний. Диалектным слово, видимо, было недолгое время. В Словаре XIX в. оно приведено без помет (СЦСиРЯ, 2001, т. 2, с. 166), хотя у В. И. Даля отмечено как южное и западное (Даль, 1978, т. 2, с. 98). Лексема, употреблённая в сборнике ТСЛ-755, латинизм: *speculator* ‘разведчик, лазутчик’, ‘ординарец, вестовой’ и др. (Дворецкий, 1976, с. 945).

О фонетических диалектизмах в Тхн-185

Яркой диалектной чертой изучаемого текста является билабиальное *в* [ʋ] / [w], противопоставленное лабиодентальному *в* [v] в двух других списках. Чаще это случаи употребления предлога *въ*, хотя и в привычном употреблении оно встречается, ср.: *въ правои руке носячи вѣнецъ тръно(в). у лѣвои же копие и губу, и трость* Тхн-185 50а – и *в деснии руцѣ дер’жащи вѣнецъ терновъ, в’ шуйцы же копие и губу и трость* ВЧМ 1976; и *в деснѣи руцѣ носяща вѣнецъ терновъ, в лѣвѣи (ж) копие, и губу, и трость* ТСЛ-755 287 об. Другие случаи появления билабиального *в* в Тхн-185: *у городѣ; у темницу; въ многу тя муку уложити; увошла у ц(е)рк(о)въ; с(вя)тое тѣло еѣ узяли; умлькли уси въ ц(е)ркви* и др.

Мучение Параскевы Пятницы по списку Тхн-185 фиксирует одно редкое слово, собственно, фонетическую (фонематическую?) трансформацию литературного слова *възрастъ* в значении ‘пора взросления’ – *узрасть*, которого в соответствующем выпуске СРНГ нет, но отмечены устойчивые словосочетания *в возрасте быть (стать); до возраста лет* ‘до зрелого возраста’, зафиксированные в архангельских, вятских и рязанских говорах (СРНГ, вып. 5, с. 29). Наш пример: *и въ узрасть, далі ти живѣтъ* Тхн-185 50в – и *о возрасти, дароваша ти животъ* ВЧМ 1977; и *о възрастеніи лѣпоты тѣлесе, и дароваша ти живо(т)* ТСЛ-755 288.

И ещё об одном фонетическом диалектизме, ставшем позже нормой литературного произношения, мне хотелось упомянуть. Среди многих десятков прочитанных и просмотренных автором статьи церковнославянских рукописей сборник Тхн-185 оказался единственным, где писец соответствующей части регулярно употребляет местоимение (чаще в союзной функции) *што*, например: 1) *слышавше (ж). горожане. што приближил ся гѣмо(н)* Тхн-185 47в – и *слышавше, иже во градѣ, яко приближается игѣмонъ* ВЧМ 1973; *слышавше (ж) гражане яко приближи (с) гѣмонъ* ТСЛ-755 285; 2) *с(вя)таа рекла, не милуи доброты временныа игѣмоне. н(ы)нѣ цвѣтущую. а заутра увядающую. но болиши милуи д(у)шу свою. што ждетъ тебе вѣчнаа мука и мучение* Тхн-185 49а–49б – и *святаа Парасковгеи глагола: не милуи, о игемоне, доброты временны, днесъ цвѣтущее, а на утрия увядаемое; но паче помилуй душу свою, яко ждетъ тебе вѣчная мука и томленіе* ВЧМ 1975; *с(вя)таа Ппараскевѣи ре(ч), не милуи гѣмоне доброты временныа, днь(сь) цвѣтуція, а утрѣ увядающія. но паче милуи д(у)шу свою, яко жде(т) тебе вѣчнаа мука, и мученіе не имуци конца* ТСЛ-755 286 об. – 287 и мн. др.

Лексические разночтения в исследуемых списках памятника

Речь пойдёт о таких разночтениях, где лексема из Тхн-185 «проявляет себя» как факт разговорного (иначе: не книжного) языка, может быть, даже просторечия, хотя последнее понятие, получившее терминологический статус, даже применительно к XVIII в., несмотря на блестящее исследование Г. П. Князьковой [1974], весьма условно, а говорить о нём применительно к более ранним периодам русского языка очень затруднительно.

О слове *говорити* как нехарактерном для церковнославянского языка писал в своё время М. В. Ломоносов [1952, с. 588], и у нас есть все основания считать его разговорным в отличие от традиционно употребляемого в церковнославянских памятниках *глаголати*, ср.: *и лице ея было, какъ бы встѣмъ видячи(м) дивити ся, и говорити* Тхн-185 48а – *и лице ея бысть свѣтло, яко встѣмъ, зрящемъ на ню, дивитися и глаголати* ВЧМ 1974; *и бы(сть) лице ея свѣтля ся яко (ж) аг(г)лу. яко встѣ(м) видѣвши(м) ю дивити (с) и гл(аго)лати* ТСЛ-755 285 об. и мн. др.

Ещё несколько примеров, в которых разговорная окрашенность лексем из Тхн-185 не вызывает сомнения:

чинити – творити: *рци ми д(е)в(и)це, которыми вльшбами, сиа дѣла чиниши* Тхн-185 51а–51б – *рци ми, о дѣвице, кими вошьшбами твориши сиа дѣла* ВЧМ 1977; *рци ми д(е)в(и)це, кыми вошьшбами твориши сиа дѣтели* ТСЛ-755 289;

замкнути (двери) – утвердити (двери): *сторожи жь темнични, замкнувше двери ѿшли* Тхн-185 49г – *стражіе же темнични, утвердивше двери, отъидоша* ВЧМ 1976; *стражіе же темнични утвердившее двери темница съ всякы(м) утверж(д)еніемъ, и ѿидоша* ТСЛ-755 287 об.;

кликнути – звати – вопияти: *тогда вси людие кликнули говорече, великъ Б(о)гъ хр(ис)тианьскыи* Тхн-185 51г – *тогда народи звааху, глаголюще: великъ Богъ хр(ис)тианьскъ* ВЧМ 1978; *тог(д)а же народи видѣвше, вопіаху гл(аголю)ще, вели(к) Б(о)гъ хр(ис)тианьскъ* ТСЛ-755 289 об.

Список разговорной лексики можно было бы продолжать, он интересен и сам по себе – нечасто в церковнославянском тексте встретишь подобные слова, но главное здесь – методологическая ценность нашего источника. Общая разговорная, простонародная (может быть, и просторечная, в любом случае – простая и безыскусная) ориентация языка Мучения Параскевы Пятницы по списку Тхн-185 заставляет под этим углом зрения посмотреть на весь словарный состав текста. Бесспорна «простота» слов *дотуль ... докуль* (а не *толми ... дондеже*, как в ВЧМ, или *дотоле ... дондеже*, как в ТСЛ-755), *перекладати* (а не *премяяти ся*), *какъ* (а не *яко*), *учинити* (а не *сотворити*) и мн. др. Но словарный состав памятника по данному списку включает в себя и слова нейтральные, стилистически не окрашенные (в современном восприятии), однако противопоставленные определённым лексемам в двух других списках, церковнославянский статус которых не подлежит сомнению. Такие соответствия мне представляются особенно интересными, ибо дают возможность переступить границу времени: из «навязанного» современным состоянием языка представления о функциональных особенностях его словарного состава попытаться проникнуть в прошлое и понять, что же было в языке, точнее, в языковой оценке письменной речи. Наглядный (благодаря М. В. Ломоносову) пример *говорити – глаголати*, но здесь же оказываются и такие соответствия (Тхн-185 – ВЧМ – ТСЛ-755), как *некоторый – некий – етерь*; *напрасно – внезапно – внезапно*; *молити ся – жрети – пожрети*; *коли – яко – вегда*; *одинъ – онсица – некий*; *отворити ся – отверзти ся – отверзти ся* и мн. др.

Лексико-словообразовательные различия в языке списков

Классификация лексических различий связана прежде всего с диалектным материалом, она предлагалась многими лингвистами – диалектологами [Блинова, 1966], лингвотекстологами [Панин, 1995, с. 127–162], но базовой здесь была и остаётся статья Л. П. Жуковской [1957], создававшей её в ходе работы над Диалектологическим атласом русского языка, поз-

же эта статья вошла в совместную с Р. И. Аванесовым публикацию (см. [Вопросы теории..., 1962]), которая оценивалась самой Л. П. Жуковской гораздо ниже публикации 1957 г., поскольку там, как она считала, была утрачена основная идея. Лексические различия в словообразовании (хотя, наверное, здесь была бы более уместной отсылка не к словообразованию, а к словопроизводству [Тимофеев, 1993]), как показывает опыт лингвотекстологических исследований, дают очень многое в понимании развития языка, поскольку это более «тонкое» и органичное развитие и соотношение лексики, позволяющее понять движение языка на начальном этапе, и в этом главное отличие от собственно лексических различий, которые предстают перед исследователем в виде лексикографически отягощённых вокабул.

Из лексико-словообразовательных особенностей Тхн-185 необходимо назвать несколько наиболее впечатляющих, которые представляют этот текст как выразительный, яркий и позволяют удивиться самобытности и таланту его создателя (может быть, это был писец-редактор, но может быть, он просто переписал то, что оказалось под его рукой). Это прежде всего слово *дочка*, столь же неожиданное в церковнославянском тексте, как и ранее приведённое *што*.

Разночтение *дочка* – *д(ъ)щи*. Явно разговорная форма в Тхн-185, очень редко встречающаяся в церковнославянских текстах, ей противопоставлена традиционная форма *дъщи*. Эта последняя форма ввиду частой употребительности в житиях и гомилиях стала уже своеобразным клише для церковно-книжных текстов. Форма *д(ъ)щи* ‘дочь’ обычна и зачастую единственна, начиная с древнейших русских церковнославянских памятников, хотя и форма *дъчка* встречается, например, в Синайском Патерике XI в. и в некоторых более поздних рукописях, а вост.-слав. *дъчи* = *дочи* = *дъци* = *дъчи* = *дчи* представлена примерами, как правило, из оригинальных древнерусских текстов и весьма обильно (Срезневский, 1958, т. 1, стб. 762–763). Уменьшительное *дочка* точно не входило в церковнославянский лексикон. Ср.: 1) *дочка некоего боарина имя еи парасковгиза* Тхн-185 47а – *дщи нъкоего сунъклитикия, именемъ Параскевгизу* ВЧМ 1973; *дщи нъкоего болярина, имя еи парасковгизу* ТСЛ-755 284 об.; 2) *пресвѣтлыи гѣмоне есть у гра(д)ѣ нашемъ д(гъ)в(и)ца живет. дочка одного боярина* Тхн-185 47г – *свѣтлыи игѣмоне есть во градѣ семъ дѣвица живуши, дщи онъсицигъ сунклитика* ВЧМ 1974; *пресвѣтлыи гѣмоне, е(сть) въ градѣ наше(м) дивица живуши, дщи нъкоего сунъклитика* ТСЛ-755 285 об.

Здесь же находим разночтение *боаринъ* (*бояринъ*) – *сунъклитикій*. Эти две лексемы отражают разный культурновоспринимающий мир и разный социальный мир. Русский и греческий, первый – понятный для русского читателя, а второй – ставящий этого читателя в затруднение (что, впрочем, не отторгало от православных ценностей, но придавало тексту явный оттенок книжности и учености, точнее, ученой непонятности и замкнутости), как, например, замену привычного для нас *декан факультета* на *менеджер факультета*. Словарная статья *боаринъ* = *боляринъ* ‘член высшего сословия, ἄρχων, μεγιστάν, συγκλητικός, optimas, dynasta’ хорошо разработана у Срезневского (1958, т. 1, стб. 160–162), который специально оговаривает, что форму *боляринъ* можно считать преимущественно русской, и дает толкование этого термина. Форма *боаринъ*, хотя и упоминается ранее с отсылкой к *боаринъ* (Срезневский, 1958, т. 1, стб. 124), здесь не подтверждена примерами. Греческого заимствования *синклитикии* у Срезневского нет, но приведено существительное женского рода *синклитикия* = *сунклитикия* (греч. συγκλητική) ‘жена члена синклита’, которое отмечено Синайским Патериком XI в. (Срезневский, 1958, т. 3, стб. 357).

Часто встречается разночтение *суд* – *судище*, например: *слышав же гѣмонъ. повѣлъ гъ с(вя)тѣи д(е)в(и)ци стати на судѣ* Тхн-185 48а – *слышавъ же Аетий игѣмонъ, повелъ святую дѣвицу поставити предъ судищемъ* ВЧМ 1974; *слыша|шав [так!] же игѣмонъ, в томъ часть повелъ с(вя)тую д(е)в(и)цу, пре(д)ставити на судищи* ТСЛ-755 285 об.

В значении ‘брать, взять’ в данном тексте ТХН-185 регулярно употребляется глагол *няти*, а в двух других списках находим этимологически однокоренные *яти* и (или) *имати*. Первая лексема – производная в словообразовательной системе древнерусского языка. Приставоч-

ные образования *сън-яти*, *вън-яти* в результате переразложения основы (*съ-няти*, *въ-няти*) «дали жизнь» неоправданным с точки зрения этимологии лексемам *объняти*, *уняти*, *переняти* и под. и далее слову *няти*. Это пример того, как фонетические модификации, разграничивающие сферы употребления (церковно-разговорную и церковно-книжную), становятся лексическими противопоставлениями. Ср.: 1) *и няли с(вя)тую Парасковгю. и пришед же гъмонъ къ граду икониско(му)* Тхн-185 47в – *яша святую дъвицу Параскевьгю и всадиша ю в темницу. Пришедъ же игъмонъ ко граду Иконію* ВЧМ 1973; *и вниде въ гра(д) иконіускыи. вни (ж) имше с(вя)тую Парасковгю. и прише(д)ша къ граду* ТСЛ-755 285; 2) *и немше ю в той часъ всадили есмо, у темницу* Тхн-185 48а – *и слышавше есмъ повелѣніе самодержца, имъше ю, держимъ в темници* ВЧМ 1974; *и не може (м) терпѣти досаж(д)еніа еа. и повелѣхо(м) яті ю, и дон(ы)нѣ держима е(сть)* ТСЛ-755 285 об.; 3) *и въставши, и няла кумира за ногу* Тхн-185 50г – *и въставши, я за ногу аполонову* ВЧМ 1977; *и въставъ абіе ятъ за ногу аполону* ТСЛ-755 288 об.

Русизмы (восточнославянизмы) в тексте Мучения Параскевы Пятницы в списке Тхн-185

Прежде всего, это восточнославянизмы, которые отмечены фонетическими чертами. Наиболее представительными являются две группы слов и форм: 1) полногласная лексика и 2) формы и слова, демонстрирующие употребление восточнославянского *ч* в соответствии с более типичным для церковнославянских памятников *щ*.

Первая группа представлена словами *городъ* (6 примеров), *голосъ* (5), *переставати* (2), по одному примеру *перестати*, *голова*, *горожане*, *перекладати*, *передъ*, *сторожи* (мн. ч.), в двух других списках соответствующая неполногласная лексика. Особый интерес представляют случаи употребления в Тхн-185 неполногласных слов. Их несколько. В первом находим одновременное употребление слов *градъ* и *городъ*, ср.: *пришедъ же гъмонъ къ граду Икониско(му) приступивше жь къ городу* Тхн-185 47в. Редактор (автор данной стилистической редакции) чётко чувствовал стилистическую разницу между официальным употреблением *градъ Иконискии* и обыденным *городъ*. О таком же чувстве «стилистической ответственности» свидетельствует ещё один пример – употребление формы *безгласна*, единственно возможной для описания ситуации, ср.: *въврѣжена жь с(вя)таа м(у)ч(е)ница. лежала жь безгласна* Тхн-185 49г. Наконец, слова *временныи* и *преставити ся* ‘скончаться’, существовавшие в языковой литературной традиции практически только в неполногласной форме.

Равным образом и в группе форм с восточнославянским *ч* в соответствии с *щ*, традиционно представленным в церковнославянских памятниках, находим несколько примеров так называемых славянизмов.

Для нашего текста обычны причастия с суффиксами *-ач*, *-уч*, их достаточно много – причастные формы, как правило, избыточны в любом «книжном» тексте. Нетипичность Тхн-185 в том, что в подавляющем большинстве это восточнославянские формы: *не переставаячи, будучи, говорячи, имгючи, носячи, крычае, постяче* и мн. др., но в нескольких контекстах находим причастия с суффиксами *-ащ*, *-уш*. И здесь опять проявляется стилистическая чуткость редактора: нет автоматической замены на русскую форму: книжная форма берётся из традиции церковнославянского текста. Ср.: *с(вя)таа рекла, не милуи доброты временныи игъмоне. н(ы)нѣ цвѣтущую. а заутра увядающую* Тхн-185 49а; *нашли жь ю молящую ся и поющи* Тхн-185 50б. Формы *цвѣтущици, увядающици, молящици ся*, безусловно, связаны с традицией церковнославянских памятников, и их логично ожидать в данном тексте. Что касается формы *поющи*, то она скорее всего появилась по аналогии с предшествующим славянизмом: в предыдущем предложении находим *с(вя)таа жь м(у)ч(е)ница х(ристо)ва была молящици ся Б(о)гу, и поючи до заутриа* Тхн-185 50б.

Из глагольных форм *ч* находим также в формах инфинитива (*въверечи, помочи, жечи*) и 2 л. мн. ч. настоящего времени (*клеветече*).

Кроме этих употреблений отмечены именные формы: *полуночи жь былъ трусь великъ* Тхн-185 49г–50 (в *полунищи* ТСЛ-755 287 об.); *повельть с'вѣчи огньныа принести. и велель жечи по ребромъ еа* Тхн-185 51б.

Заключение

Выводы о «разговорном» («простом», может быть, простонародном) церковнославянском языке Мучения Параскевы Пятницы по списку Тхн-185 достаточно очевидны. Сейчас автор статьи проводит анализ грамматических особенностей текста, из которых самой яркой чертой является употребление форм перфекта без связки (классические формы перфекта появляются только в молитвах св. Параскевы). Для меня очевидно одно, язык памятника по данному списку разрушает миф о так называемом «втором южнославянском влиянии». Но, может быть, более значимы результаты исследования для понимания общих характеристик церковнославянского языка.

Анализ этого памятника и некоторых других позволяет, как мне кажется, по-новому взглянуть на то, что мы называем церковнославянским языком, во всяком случае, понять, что церковнославянский язык – это пока неопознанный лингвистический объект. И, может быть, не столько лингвистический, сколько филологический, ибо его и ранее, и сейчас нельзя оторвать от текста. Текст – та среда, в которой существует этот язык. Лингвистика – направление молодое, возникшее тогда, когда живая звучащая речь была признана объектом, достойным внимания учёных. Она восприняла тот инструментарий лингвистического анализа, который начиная с древности служил филологическим целям. Этот инструментарий хорошо представлен уже в «Искусстве грамматики» Дионисия Фракийского, но служил он не для описания и понимания языка как такового, главной задачей грамматики считалась «κρίσις ποιμάτων, ἡ δὲ κάλλιστόν ἐστι πάντων τῶν ἐν τῇ τέχνῃ» [Uhlig, 1965]. Это и помогает в квалификации того, что написано на церковнославянском языке: оно должно не только содержать традиционные формы и лексику этого языка (также с традиционной допустимостью нововведений), но и иметь функциональную соотнесённость, соответствовать сфере бытования церковнославянских текстов.

Список литературы

- Аврорин В. А.** Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л.: Наука, 1975. 276 с.
- Блинова О. И.** К вопросу о типах лексических различий диалектного языка // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1966. С. 9–18.
- Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962. 254 с.
- Жуковская Л. П.** Типы лексических различий в диалектах русского языка // Вопросы языкознания. 1957. № 3. С. 102–111.
- Жуковская Л. П.** Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI–XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности: Язык и текстология. М., 1968. С. 199–332.
- Жуковская Л. П.** Текстология и язык древнейших славянских памятников. М.: Наука, 1976. 368 с.
- Жуковская Л. П.** Постоянная и варьирующаяся лексика в списках памятника (вопросы изучения и лексикографирования) // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 173.
- Жуковская Л. П.** К вопросу о южнославянском влиянии на русскую письменность (Житие Анисьи по спискам 1282–1632 гг.) // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982. С. 277–286.
- Захарова Л. А.** Данные современного диалекта как источник реконструкции говоров XVII в. // Русские говоры Сибири: Межвуз. сб. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. С. 19–23.
- Князькова Г. П.** Русское просторечие второй половины XVIII в. Л.: Наука, 1974. 256 с.

- Ломоносов М. В.** Полн. собр. соч.: В 11 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 7: Труды по филологии. 1739–1758 гг.
- Палагина В. В.** Реконструкция исходного состояния вторичного говора (на материале томского говора): Диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук (отдельные разделы) // В. В. Палагина: годы и труды. Томск: Изд-во ТГУ, 2007. С. 25–202.
- Панин Л. Г.** Лингвотекстологическое исследование Минейного Торжественника. Рукописи XIV–XVI вв. Новосибирск: Наука, 1988. 264 с.
- Панин Л. Г.** Об аспектах лингвотекстологического исследования памятников церковнославянской письменности // Академик Василий Михайлович Истрин: Тез. докл. областных научных чтений, посвящ. 125-летию со дня рождения учёного-филолога. 11–12 апреля 1990 г. Одесса, 1990. С. 25–26.
- Панин Л. Г.** О соотношении церковнославянского и современного русского литературного языков // Исторические изменения в языковой системе как результат функционирования языка. Калининград, 1992. С. 8–9.
- Панин Л. Г.** О языке русской письменности Сибири (XVII – начала XVIII в.) // *Russian Linguistics*. 1994. № 18. С. 159–176.
- Панин Л. Г.** История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск, 1995. 216 с.
- Пентковская Т. В.** Переводы Иерусалимского Типикона в славянской традиции. Лингвистический аспект. М.: МАКС Пресс, 2018. 160 с.
- Соболевский С. И.** История русского литературного языка / Изд. подгот. А. А. Алексеев. Л., 1980. 196 с.
- Тимофеев К. А.** Морфемика, словообразование, словопроизводство: Учеб. пособие для студентов-филологов. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. 66 с.
- Флоря Б. Н.** Сказания о начале славянской письменности и современная им эпоха // Сказания о начале славянской письменности. М.: Наука, 1981. С. 5–69.
- Uhlig G.** (ed.). Διονύσιος ο Θραζ. Τέχνη Γραμματική, στο *Grammatici Graeci*. Leipzig, Teubner 1965, Bd. 1.

Список словарей

- Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 1978.
- Дворецкий И. Х.** Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1976. 1096 с.
- Срезневский И. И.** Материалы для словаря древнерусского языка: [В 3 т.]. М., 1958.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука – СПб.: Наука, 1965–2016. Вып. 1–49.
- СРЯз – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1980. Вып. 7.
- СЦСиРЯ – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии Наук: [В 3 т.]. Репринт. изд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001.
- Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1967. Т. 2.

References

- Avrorin V. A.** Problemy izucheniya funktsional'noi storony yazyka (k voprosu o predmete soziolingvistiki) [Problems of Studying the Functional Side of Language (On the Subject of Sociolinguistics)]. Leningrad, Nauka, 1975, 276 p. (in Russ.)
- Blinova O. I.** K voprosu o tipakh leksicheskikh razlichii dialektного yazyka [On the Issue of the Types of Lexical Differences in Dialects]. In: *Voprosy yazykozvaniya i sibirskoi dialektologii* [Issues of Linguistics and Siberian Dialectology]. Tomsk, 1966, pp. 9–18. (in Russ.)
- Florya B. N.** Skazaniya o nachale slavyanskoi pis'mennosti i sovremennaya im epokha [Tales of the Beginning of Slavic Writing and Their Era]. In: *Skazaniya o nachale slavyanskoi pis'mennosti* [Tales of the Beginning of Slavic Writing]. Moscow, Nauka, 1981, pp. 5–69. (in Russ.)
- Knyazkova G. P.** Russkoe prostorechie vtoroi poloviny XVIII v. [Russian Vernacular of the Second Half of the 18th Century]. Leningrad, Nauka, 1974, 256 p. (in Russ.)

- Lomonosov M. V.** Complete Works. In 11 vols. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1952, vol. 7: Works on Philology. 1739–1758. (in Russ.)
- Palagina V. V.** Rekonstruktsiya ishodnogo sostoyaniya vtorichnogo govora (na materiale tomского govora): Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk (otdel'nye razdely) [Reconstruction of the Initial State of the Secondary Dialect (Based on the Material of the Tomsk Dialect): Dr. Phil. Sci. Diss.]. In: V. V. Palagina: gody i trudy [V. V. Palagina: Years and Works]. Tomsk, TSU Press, 2007, pp. 25–202. (in Russ.)
- Panin L. G.** Lingvotekstologicheskoe issledovanie Mineinogo Torzhestvennika. Rukopisi XIV–XVI vv. [Linguotextological Study of the Festal Menaion. Manuscripts of the 14th – 16th Centuries]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 264 p. (in Russ.)
- Panin L. G.** Ob aspektakh lingvotekstologicheskogo issledovaniya pamyatnikov tserkovnoslavjanskoj pis'mennosti [On Aspects of Linguotextological Research of Monuments of Church Slavonic Writing]. In: Akademik Vasilii Mikhailovich Istrin. Tezisy dokladov oblastnykh nauchnykh chtenii, posvyashchennykh 125-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo-filologa. 11–12 aprelya 1990 g. [Vasilii M. Istrin, the Academician: Presentations of Regional Academic Readings Dedicated to the Researcher's 125th Anniversary. April 11–12, 1990]. Odessa, 1990, pp. 25–26. (in Russ.)
- Panin L. G.** O sootnoshenii tserkovnoslavjanskogo i sovremennogo russkogo literaturnogo yazykov [On the Correlation of Church Slavonic and Modern Russian Literary Languages]. In: Istoricheskie izmeneniya v yazykovoj sisteme kak rezul'tat funkcionirovaniya yazyka [Historical Changes in Language System as a Result of Language Functioning]. Kaliningrad, 1992, pp. 8–9. (in Russ.)
- Panin L. G.** O yazyke russkoi pis'mennosti Sibiri (XVII – nachala XVIII v.) [About the Language of Russian Writing in Siberia (XVII – Early XVIII Century)]. *Russian Linguistics*, 1994, no. 18, pp. 159–176. (in Russ.)
- Panin L. G.** Istoriya tserkovnoslavjanskogo yazyka i lingvisticheskaya tekstologiya [History of the Church Slavonic Language and Linguistic Textology]. Novosibirsk, 1995, 216 p. (in Russ.)
- Pentkovskaya T. V.** Perevody Ierusalimskogo Tipikona v slavjanskoj traditsii. Lingvisticheskii aspekt [Translations of the Jerusalem Typicon in the Slavic Tradition. Linguistic Aspect]. Moscow, MAKS Press, 2018, 160 p. (in Russ.)
- Sobolevsky S. I.** Istoriya russkogo literaturnogo yazyka [History of the Russian Literary Language]. Prep. by A. A. Alekseev. Leningrad, 1980, 196 p. (in Russ.)
- Timofeev K. A.** Morfemika, slovoobrazovanie, slovoпроизводство: Ucheb. posobie dlya studentov-filologov [Morphemics, Word Formation, Word Production]. Textbook for Students of Philology. Novosibirsk, NSU Press, 1993, 66 p. (in Russ.)
- Uhlig G.** (ed.). Διονύσιος ο Θραξ. Τέχνη Γραμματική, στο Grammatici Graeci. Leipzig, Teubner 1965, Bd. 1.
- Voprosy teorii lingvisticheskoi geografii [Questions of Theory of Linguistic Geography] / Ed. by R. I. Avanesov. Moscow, 1962, 254 p. (in Russ.)
- Zakharova L. A.** Dannye sovremennogo dialekta kak istochnik rekonstruktsii govorov XVII v. [Data of Modern Dialects as a Source of Reconstruction of Dialects of the 17th Century]. In: Russkie govory Sibiri [Russians Subdialects of Siberia]. An Intra-University Anthology. Tomsk, TSU Press, 1979, pp. 19–23. (in Russ.)
- Zhukovskaya L. P.** Tipy leksicheskikh razlichii v dialektakh russkogo yazyka [Types of Lexical Differences in Russian Dialects]. *Voprosy yazykoznaniiya [Issues of Linguistics]*. 1957, no. 3, pp. 102–111. (in Russ.)
- Zhukovskaya L. P.** Tipologiya rukopisei drevnerusskogo polnogo aprakosa XI–XIV vv. v svyazi s lingvisticheskim izucheniem ikh [Typology of the Manuscripts of the Old Russian Complete Aprakos of the 11th – 14th Centuries in Connection with Their Linguistic Study]. In: Pamyatniki drevnerusskoi pis'mennosti: Yazyk i tekstologiya [Old Russian Written Monuments: Language and Textology]. Moscow, 1968, pp. 199–332. (in Russ.)

- Zhukovskaya L. P.** Tekstologiya i yazyk drevneishikh slavyanskikh pamyatnikov [Textology and Language of the Oldest Slavic Manuscripts]. Moscow, Nauka, 1976, 368 p. (in Russ.)
- Zhukovskaya L. P.** Postoyannaya i var'iruyushchayasya leksika v spiskah pamyatnika (voprosy izucheniya i leksikografirovaniya) [Constant and Varying Vocabulary in the Copies of a Monument (Questions of Study and Lexicography)]. In: Slavyanskoe yazykoznanie. VIII Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Doklady sovetskoj delegatsii [Slavic Studies. VIII International Conference of Slavists. Reports of the Soviet Delegation]. Moscow, 1978, p. 173. (in Russ.)
- Zhukovskaya L. P.** K voprosu o yuzhnoslavyanskom vliyaniy na russkuyu pis'mennost' (Zhitie Anis'i po spiskam 1282–1632 gg.) [On the Question of the South Slavic Influence on the Russian Writing (The Life of Anisya according to the Copies of 1282–1632)]. In: Istoriya russkogo yazyka. Issledovaniya i teksty [History of the Russian Language. Studies and Texts]. Moscow, 1982, pp. 277–286. (in Russ.)

List of Dictionaries

- Dal V. I.** Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Great Living Russian Language]. In 4 vols. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1978. (in Russ.)
- Dvoretsky I. H.** Latinsko-russkii slovar' [Latin-Russian Dictionary]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1976, 1096 p. (in Russ.)
- Fasmer M.** Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of Russian Language]. In 4 vols. Moscow, Progress Publ., 1967. (in Russ.)
- Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Folk Subdialects]. Moscow; Leningrad, Nauka – St. Petersburg, Nauka, 1965–2016, iss. 1–49. (in Russ.)
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka, 1980, iss. 7. (in Russ.)
- Slovar' tserkovnoslavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym Otdeleniem Imperatorskoi Akademii Nauk [Dictionary of Church Slavonic and Russian Compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. In 3 vols. Reprint Edition. St. Petersburg, 2001. (in Russ.)
- Sreznevsky I. I.** Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language]. In 3 vols. Moscow, 1958. (in Russ.)

Информация об авторе

Леонид Григорьевич Панин, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Leonid G. Panin, Doctor of Sciences (Philology), Professor

*Статья поступила в редакцию 25.05.2021;
одобрена после рецензирования 01.09.2021; принята к публикации 01.09.2021
The article was submitted 25.05.2021;
approved after reviewing 01.09.2021; accepted for publication 01.09.2021*